

стве оправдания невыполнения международного договора. В соответствии с частью 1 статьи 33 Закона Республики Беларусь «О международных договорах Республики Беларусь» «международные договоры Республики Беларусь подлежат добросовестному исполнению Республикой Беларусь в соответствии с международным правом». Этот принцип является общепризнанным принципом международного права и с учетом статьи 8 Конституции Республики Беларусь имеет приоритет перед вышеуказанными нормами Законов «О международных договорах Республики Беларусь» и «О нормативных правовых актах Республики Беларусь».

Можно сделать следующие выводы:

1) принцип невысылки является общепризнанным принципом международного права. Следовательно, недопустимо возникновение практики государства, издание внутренних нормативных актов, заключение международных договоров в нарушение данного принципа. В случае противоречия между обязательством Республики Беларусь по невысылке иностранца и положениями международного договора (в частности, по вопросам выдачи) такой договор исполняться не может;

2) нормы Конвенции о статусе беженцев 1951 г., Протокола, касающегося статуса беженцев, 1967 г., Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. являются приоритетными по сравнению с положениями внутренних нормативных актов Республики Беларусь, в частности законов, декретов и указов.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ТЕРМИНОЛОГИИ В МИГРАЦИОННОЙ СФЕРЕ

Селиванов А. В., Белорусский государственный университет

Рассматривая различные документы и другие публикации в сфере миграции и убежища, достаточно часто приходится констатировать, что новые независимые государства — республики бывшего Советского Союза оказались не готовы к открытию «железного занавеса» не только в сфере экономики и общественной жизни, но и в лингвистической сфере. Это очень хорошо заметно в определенных областях научных или практических исследований и разработок. В данном случае речь идет о сфере миграции и убежища.

После 17 лет, прошедших со времени распада Советского Союза, можно сделать попытку проанализировать терминологическую базу в сфере миграции и беженцев.

Так, например, в последнее время стало активно использоваться понятие «интеграция беженцев». В Законе Республики Беларусь «О беженцах» приводится такое определение: «интеграция беженцев — комплекс мер по адаптации иностранцев, признанных беженцами, к социально-экономическим условиям Республики Беларусь». В новом Законе Республики Беларусь «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь», который вступит в силу в июле 2009 г., этот термин имеет

аналогичное значение: «интеграция иностранцев, которым предоставлены статус беженца или дополнительная защита, — комплекс мер по адаптации иностранцев, которым предоставлены статус беженца или дополнительная защита, к социально-экономическим условиям Республики Беларусь, национальным традициям белорусского народа». В этой связи хотелось бы обратить внимание, что если в самом определении понятие «интеграция» называется комплексом мер по адаптации, то не совсем понятно, к чему в данном случае подмена терминов?

Тем более, что словари определяют интеграцию как объединение в целое каких-либо приблизительно равных частей или элементов (например, интеграция государств в Европейский союз). Но эти части слишком малы в контексте миграции и проблемы беженцев в Беларуси как впрочем, и в других постсоветских странах. Поэтому мигрантам и беженцам приходится именно адаптироваться в принимающем их обществе, но отнюдь не интегрироваться! Возможно, об интеграции в общество можно говорить в том случае, когда достаточно большая по количеству группа людей переселяется в другую страну. Но, думается, для Республики Беларусь это не совсем применимо.

Кроме того, хотелось бы обратить внимание на факт неверного использования терминов, главным образом, в переводной литературе практического характера. Так, например, очень часто приходится видеть в некоторых публикациях на русском языке термины, например, «искатель убежища», «проситель убежища». Думается, что и практическим, и научным работникам, пишущим на русском языке, следует разобраться в существующей русскоязычной терминологии. Подобные «болячки» просматриваются, например, у наших украинских коллег.

В качестве примера можно привести неадекватность перевода ряда названий на русский язык (например, «*Söderköping*» по-русски следует писать «Сёдерчёпинг», а в публикациях используется «Седеркопинг»).

Хотелось бы внести предложение по унификации русскоязычной терминологии в сфере миграции и убежища. Например, анализ понятий «нелегальный мигрант» и «незаконный мигрант» показывает, что эти два термина тождественны, так как являются переводом с английского языка понятия «*illegal migrant*». Несмотря на это, ряд авторов пытаются теоретически обосновать это различие в написании. Думается, что в подобной ситуации лучше употреблять понятие «незаконный мигрант», дав его определение в нормативно-правовой базе Республики Беларусь, и постепенно устранять второе.

Необходимо также обратить внимание на унификацию ряда терминов, используемых в литературе и документах. Так, например, нет необходимости в понятии «вынужденный переселенец». При этом на международном уровне должны быть четко определены понятия «вынужденный мигрант», «внутренне перемещенные лица» и т. п.

Приведение к общему знаменателю ряда определений, понятий и терминов на русском языке на международном, региональном и национальном уровнях позволит решить ряд проблем, связанных с неточным пониманием некоторых вопросов в сфере миграции и беженцев, искажениями переводов международных документов.